

добилось спросить совѣта, въ послѣдней крайности. А Теняшева, хоть онъ и пріятель больше четырехъ лѣтъ, она ставила ниже себя, ниже Сосѡ, хотя и позволяла, и до сихъ поръ позволяетъ ему, при всѣхъ, вести себя чуть не какъ съ легкой особой...

Во всемъ виновата сама... сама...

Слезы досады и презрѣнія къ себѣ выступили на глазахъ ея. Она разгорѣлась въ лицѣ и сидѣла, прислонившись всей спиной къ подушкамъ, въ полутемной своей спальнѣ.

Раздался шумъ экипажа, влетѣла Сосѡ; а за ней мужскіе шаги остановились у двери.

— Я привезла Грегуара!..

Она въ минуты сердечнаго возбужденія звала такъ Теняшева.

— Зиночка!—донесся его голосъ изъ будуара:—этѣль пермѣ?

— А! это онъ?—глухо выговорила Зина.

— Да, и согласенъ переѣхать въ Петергофъ...

— Даже къ вамъ на дачу, — шопотомъ пустилъ въ дверь

Теняшевъ.

Сосѡ видѣла, что Зина дурачиться не желаетъ.

— Чтѡ съ тобой?—испуганно спросила она.

— Позови мнѣ... его. И оставь насъ. У тебя много дѣла...

— Прекрасно!—Сосѡ поцѣловала Зину и убѣжала въ другую дверь, а Теняшеву крикнула:

— Идите!

Онъ вступилъ въ спальню, со сложенными на груди руками, шутовской походкой, свѣсивъ голову набокъ.

— Милая вы моя больнушка... Бѣленькая лежитъ...

— Тсс!..—остановила его Зина и, выпрямившись, выговорила:

— Не лгите! вы болтали обо мнѣ тому... офицеру... Рынину?

— Чтѡ болтали?

— Не лгите! — гнѣвно крикнула она. — Вы болтали... обо мнѣ?.. Видѣть васъ не хочу, не надо мнѣ васъ, вашихъ услугъ... Но если вы пикнете еще хоть слово... мы—враги на вѣкъ. Ступайте!..

И повернулась къ нему спиной.

Теняшевъ пожалъ плечами, вышелъ на ципочкахъ и сказалъ Сосѡ—она уже начала распорядиться укладкой своихъ туалетовъ:

— Нервы! Прогнала!

Его заставили записывать то, что Софья Германовна беретъ съ собой.

И выходка съ Теняшевымъ черезъ двѣ минуты показалась самой Зинѣ нелѣпой, самаго дурного тона. Она ничего неправляла и ни отъ чего не спасала.